

ЩЕДРОСТЬ УЧИТЕЛЯ

Эгнине Татевосян

...В первый раз увидел я Василия Дмитриевича в 1886 г. в стенах училища, при выходе из канцелярии. Он мне показался высоким, хотя на самом деле он был чуть выше среднего роста, с крупной головой, широким лбом, с вертикальной морщинкой на переносье, с густыми приподнятыми к концам бровями, что придавало лицу серьезность и строгость, с чуть рыжеватой бородой, круто и кругло подстриженной книзу, с маленькими кистями рук. Шел он быстро, держась прямо. В общем, коренастая, мужественная и энергичная фигура. Запечатлелся у меня в памяти и карандаш в серебряной оправе, висевший на цепочке от часов. Его внушительная фигура, его мягкое обращение, его низкий голос — бас, все в нем было необыкновенно благородно и внушало невольное преклонение. Я чувствовал около него себя ничтожным.

И все, кому приходилось встречаться и беседовать с Василием Дмитриевичем, говорили то же самое (как бесконечно приятно с ним быть, говорить и слушать). Действительно, он был обаятелен и подобных людей я не встречал...

Третьяковский праздник — это был первый съезд художников, для которого была поставлена феерия «Призраки Эллады» с музыкой Кроткова и текстом С. И. Мамонтова и В. Д. Поленова. Поленовым была написана очаровательная декорация Греции — на фоне синего моря Венера Милосская и храм. По его же рисункам были выполнены костюмы к феерии. Декорация была замечательна, но, к сожалению, после представления она исчезла бесследно — ее украли. Публика долго с восторгом вспоминала эту декорацию, ибо ничего подобного никогда не видела, казалось — точно морской, свежий воздух доносится с моря.

К этому празднику от общества любителей художеств привлечено было к работам много художников. В фойе Благородного собрания были выставлены все декоративные панно Коровина, Досекина, Суренянца, к опере Аренского «Пафазель», Пастернака, Савицкого и Касаткина — к другим пьесам.

Меня же В. Д. Поленов пригласил помочь ему писать Грецию. Я не решился принять это приглашение, так как никогда не писал декораций, благодарил и никак не мог понять, как я смогу помочь, но В. Д. меня ободрял, говоря: «Это очень приятно и вы сможете». После праздника, через несколько дней, совершенно для меня неожиданно, В. Д. вызвал меня и вручил половину платы за работу. Я отказался принять, говоря, что я же не помогал, а больше портил, но он улыбнулся и сказал: «Иногда и за порчу платят деньги...»

Поленов создал немало художников: Коровин, Левитан, Головин, Малютин и др. — все его ученики; они также были проникнуты глубоким уважением и любовью к учителю. Некоторые ученики даже записывали буквально все его объяснения. Так, например, художник Домбровский (из Киева) записывал все его фразы во время корректуры. Было бы очень ценно издать эти записки для начинающих художников, они послужили бы как бы руководством к обучению живописи. К сожалению, Домбровский я потерял из виду.

Метод свой Поленов называл методом П. П. Чистякова, так как он со своим товарищем Репиным учились у Чистякова. Василий Дмитриевич часто вспоминал Павла Петровича как замечательного педагога и остроумного человека. С большим воодушевлением рассказывал о нем. Достаточно сказать, что Репин не нашел никого лучшим учителем для Серова, кроме Чистякова. Надо сказать, когда произошла реформа Академии художеств в 1892 г., когда разогнали всех профессоров, — из старых оставили при Академии только одного Чистякова и поручили ему мозаичный класс.

Василий Дмитриевич знакомил учеников детально с самого начала с красками и их изменениями: от соединений грунта и воздуха. Для этого он устроил три таблицы красок: Мевеса, Лефранка и Шмидта. Намазывал одну и ту же краску на всех трех таблицах, на каждой отдельно: в чистом виде и смешанной с цинковыми и кремническими белилами, надписывая названия красок и фабрик; одну таблицу вешал в комнате,

другую выставлял на солнце, а третью — держал в темноте. Выдержав год, он вывесил их в классе, и ясно было видно, что таблица от солнца изменилась много сильнее других. Кроме того, краска в смеси с цинковыми белилами оказалась более устойчивой и менее изменилась, чем та же краска с кремническими белилами.

Показав это наглядно, он приучал нас осторожно обращаться с красками.

Василий Дмитриевич на все наши вопросы давал наглядные исчерпывающие ответы.

По моему мнению, наивысшая ценность в художнике — это его колорит, этим качеством и обладал Поленов. От его палестинских этюдов я не мог оторваться. Поленов — поэт красок. Многие художники технику его работ, по легкости и свежести напоминающую акварели, приравнивали к мастерству западных художников. Это правильно. Отсюда его любовь к декорациям. Он был прирожденным декоратором. В свое время он первый раскритиковал рутинные декорации Большого театра Валоца и выставил принцип, сводящий декорации к единой картине, без нагромождений кулис. Он первый показал живописно-художественное письмо без выписки лишних мелочей, как это практиковалось до

него. Ему отчасти мы обязаны за прошедшую реформу в казенных театрах: Теляковский обратился к Поленову с просьбой помочь ему в этом деле, но Поленов сам писать отказался и рекомендовал своих учеников Головина и Коровина. Поленов владел перспективой в совершенстве, решал самые замысловатые задачи необыкновенно быстро простейшими приемами, выработанными им самим. В. Д. говорил мне, что он выработал перспективное руководство из шестнадцати правил, усвоив которые можно решать все задачи. Очень жаль, что при своей жизни Поленов не издал их, но если они сохранились, то необходимо их издать, так как все имеющиеся учебники в этом вопросе мало практичны.

Редким качеством обладал В. Д. — умением воодушевлять других, в особенности молодых художников: он возбуждал охоту к работе, заражал всех своим вдохновением, все при нем принимались с жаром работать.

Училище живописи, ваяния и зодчества Московского художественного общества было основано на средства московских меценатов и находилось в ведении министерства двора. Помещалось оно на Мясницкой улице, против почтамта, в бывшем

В. Д. Поленов (в центре), Н. В. Поленова-младшая и Э. М. Татевосян в Аббатстве. 1916 г.

старом доме масонских лож (говорили, что под домом существуют потайные подземные ходы). Это здание существует и ныне; угол дома с красивым фронтоном и колоннадой смотрит на северо-восток — на две улицы.

Названное училище имело огромное культурное значение не только для Москвы, но и для всей России, так как это среднее учебное заведение по своему принципу, в противовес Академии художеств в Петербурге, было демократическое, поступали туда сыновья крестьян от сохи, сыновья ремесленников, преимущественно бедняков. Часто поступали взрослые, неграмотные, и это допускалось, если они оказывались способными к искусству. Дабы дать возможность этой демократической публике получить соответствующее научное образование, попечительный совет учредил параллельно пять научных классов, где проходили русский язык, арифметику, геометрию, всеобщую историю, русскую историю, и т. п., помимо специальных, относящихся к искусству предметов — анатомии, перспективы и т. д. Все ученики, не имеющие аттестатов зрелости, таким образом имели возможность получить общее образование. Лично я тоже воспользовался этим благом. Мне было пятнадцать лет, а со мной сидели взрослые бородачи в первом классе. Это единственное учебное заведение, где разрешалось работать женщинам вместе с мужчинами (только по искусству) в качестве вольных посетителей. Профессорский персонал приглашался из лучших русских художников.

Все они с радостью шли в училище, отнюдь не из-за материальных благ, ибо училище, за отсутствием средств, не могло соответствующим образом вознаградить их, а просто из желания внести свою лепту в это большое и симпатичное дело — помочь даровитым беднякам...

Заказ Мамонтова С. И. для Нижегородской всероссийской выставки Врубелю панно «Принцесса Греза» был забракован Академией художеств, но Мамонтов, тонко понимавший искусство, счел это несправедливым, так как автор работал всего неделю и не успел закончить громадное панно. Мамонтов взял его себе на дом и поручил В. Д. закончить панно по эскизам Врубеля. В. Д. нашел работу весьма талантливой, пригласил К. Коровина и, поработав вместе на полу, закончил громадное панно, за что Мамонтов заплатил тысячу рублей, но В. Д. отдал всю сумму Коровину. Панно было выставлено на выставке отдельно, все заинтересовались работой, забракованной Академией, ходили смотреть, кажется, за особую плату. В. Д. пригласил меня и Голо-

вина посмотреть панно во время работы, и на вопрос сестры В. Д., Е. Д., о моем мнении, я ответил: «Талантливое безобразие». Сказав это, я все же был подавлен этой работой, мне страшно хотелось посмотреть ее второй раз — тут уже я понял все величие произведения...

...В путешествии В. Д. был молчалив, так как был погружен в свои мысли и планы, поэтому, вероятно и не был разговорчив. Восторженность его проявилась у стен иерусалимских, и он с трогательным сочувствием говорил, что гонимые евреи все же находят утешение в стенах и молитвах у стены Иродовой (небольшой кусок), который им предоставлен...

...В. Д. быстро, с колоссальной энергией, писал этюды, чем заражал и меня. Первый раз он ездил в Палестину с Абаemelек-Лазаревым и Праховым; целью второй поездки было желание запечатлеть путь Христа в пейзажах — для серии картин из жизни Христа. Для этого он терпел жару и неудобства и, нужно сказать, переносил их великолепно, тогда как я не перенес жары, с полдороги вернулся к морю в Бейрут. Везде, где мы бывали, он рассказывал всю историю местности со всеми достопримечательностями.

Это было событие, это был настоящий праздник, особенно для нас, молодежи, учеников его. Мы праздновали точно свою победу. После традиционных, почти черных... картин... «Грешница» была свет мысли, жизнерадостным, горячо-солнечным произведением в холодной, снежной Москве. К тому же она была дерзким вызовом для религиозных ханжей. Совершенно необычно Христос в костюме восточного дервиша да и все ученики, фарисеи и вся толпа, — все были в костюмах, которые мы видим в наши дни.

(Тбилиси 29 мая 1932 г.)

Рано утром я иду дорожкой, им любимой, по которой так часто проходил Василий Дмитриевич. Иду я один к его могиле, иду без цветов, без венков и только со слезами, но и слезы ему не нужны, как и цветы.

Подумал я, как несправедлива судьба, что отнимает жизнь безразлично у всех. Нет, не должны быть смертны те, любящие жизнь и природу в той мере, в какой любил Василий Дмитриевич. Спит он теперь вечным сном под зеленым холмом у часовни. Над его могилой кружась резвились тысячи его любимых касаток (демократов, как он их называл), щебечут, точно налетели проститься с ним так же, как и я. Тихо на его могиле и кругом. Блестит сквозь березы Ока, а за Окой, ниже, синяя даль лесов. Ничто не нарушает больше его покоя...